

Мотивы героического эпоса в повести Н.В.Гоголя «Тарас Бульба», или За что погиб Тарас Бульба?

Румянцева Дарья, 7 класс

Открытием при изучении литературы в 7 классе стала для меня повесть Н.В.Гоголя «Тарас Бульба». «Кто такой герой?» - с такого вопроса начался тот необычный для нас урок. Класс отвечал бойко и уверенно: человек, способный на добро и жертвенность. В год 65-летия Великой Победы мы говорим об этом часто. Тем поразительнее оказался ответ учителя: «Герой как мифологический тип в греческой культуре – это ... злодей: родичеубийца и богоборец. В дальнейшем, при более детальном знакомстве с деяниями полубогов-героев на уроках истории и литературы, – объясняла она нам, – тезис «герой-злодей» снимется и приобретет более широкий взгляд на природу античного героизма. Дело здесь не только в том, что герои мифов были способны на добро и жертвенность. Для древнегреческого мифологического героя в его неистовом самоутверждении «славное деяние» приобретает абсолютную ценность, и герой (часто невольно) оказывается по ту сторону добра. Внутреннее устройство героической души влечет героя к гибели. И миф свидетельствует об этом: судьба героев погибнуть со славой. Наша задача на сегодняшнем уроке – разобраться, не присутствуют ли мотивы героического эпоса в повести Гоголя и ответить на вопрос: за что погиб Тарас Бульба?».

Это было интересно. Все вместе мы разбирались в эпизодах повести Гоголя, сравнивая их с гомеровской «Илиадой». И понятным становился непривычный тезис: герой-злодей. Учитель помогала нам «читать» нравственный смысл события, когда он явлен в культуре.

Вот о том, что я поняла на том уроке, мне и хочется рассказать более подробно.

Вернусь к исходной точке: герой – братоубийца (сыноубийца) и злодей, а Троянская война – конец века героического. Как началась Троянская война? Это мы помнили из истории 5 класса. Но, как оказалось, миф утверждает другое (и Гомер отталкивается от него): Земля, праматерь Зевса, жалуется внуку: «Кровь героев твоих давит меня». Зевс соглашается истребить род героев. Но он любит их, многие из них его потомки. И тогда Зевс замышляет устроить великую войну – первое столкновение Европы и Азии, – чтобы герои ушли со славой...

Но мы уже поняли, что гомеровский герой жаждет бессмертия. С этим чувством Агамемнон приносит жертву, а Менелай выходит на поединок. Трояне должны заплатить пеню и вернуть Елену. Елена для всего ахейского войска – знак победы, символ славы, **менее долговечный**, чем сокровища, но не менее значительный, **не менее символический**.

Дело в том, что у Гомера, – учит учитель, – красота жен и слава мужей не подлежат нравственному суду. Если ахейцы и Менелай отобьют Елену у Троян, они покроются бессмертной славой. Умрут герои, умрет

Елена – но останутся песни, останется слава. Таково понимание славы и героизма в ионическом эпосе.

У Гоголя Тарас – герой. Но Тарас – тоже «сыноубийца». Не похож ли гоголевский герой на гомеровского? Есть ли сходство между ними? Учитель предложила нам проанализировать некоторые эпизоды повести Гоголя и поэмы Гомера более подробно. Это было интересное исследование.

Вот первый эпизод. В бою Андрий получает удар саблей плашмя. За удар плашмя в то давнее мифологическое время полагалась большая пеня, чем за увечье. Почему? Так оберегалось достоинство человека. Над этим стоит задуматься.

А вот другой эпизод. Андрий несется за обидчиком на коне. А Тарас – *пеший?* – останавливает его несущегося коня. Может ли такое быть?

Снова учитель предлагает нам обратимся к античному эпосу. Читая Илиаду, мы убеждаемся, что герой **в полноте** своей человеческой природы – это воин на колеснице. Но бывают особые моменты в жизни гомеровского героя, когда он оставляет коня и, «надежный на ноги», «быстроногий», «красивый ногами», как бы соединив в себе две природы, коня и человека, сражается один. В этот момент герой страшен, он уподобляется коню. В этом уподоблении и **соединении двух природ** (коня и человека) – апофеоз (обожествление) героя, сокровенный момент его славы. Достичь такого состояния духа и удостоиться такого сравнения удел очень немногих героев. Тарас – один из них.

Вот они первые сходства двух героев, разделенных веками.

Новый эпизод. Напряженнейший момент действия! «Тарас убивает сына!» И вдруг писатель властно прерывает повествование, и мы слышим развернутое сравнение Андрия... с заигравшимся школьником. (*«Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилам молодая кровь! ... вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: пред ним Тарас!...*

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает как огонь... бешеный гонится за своим товарищем... и вдруг наталкивается на входящего учителя.

... в один миг пропал... гнев Андрия. И видел он пред собою только страшного отца».

Этот прием – когда **останавливается время** – (опять учит нас учитель) мы часто встречаем у Гомера. Но Гомер по отношению к событиям войны находится в ином веке, в «мусической (художественной) вечности». А Гоголь – в «вечности» христианской эры. Эпическое стояние вне времени бывает разным. Гомеровское «**эпическое время**» и «**мусическая вечность**» – одно. «**Вечность**» христианской эры – иное. Это – иная вечность, и иная ей будет причастность.

Но почему Тарас (христианин!) убивает сына? Мы открываем нужную страницу и анализируем эпизод «Страшный отец». В чем смысл его?

В четырех коротких фразах («Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?») – весь разговор Тараса с «безответным» сыном. И вот уже над трупом сына:

– ... *пропал бесславно, как подлая собака!.. Будут у него плакальщицы и утешницы!*

Ни доброго слова, ни даже погребения ... сыну! Попытаемся понять такую суровость Тараса. Для этого снова обратимся к «Илиаде».

Менелай изловил троянского воина: тот разбился, падая с колесницы, и, беззащитный, обнимал колени Менелаю, моля о пощаде. Он уже «преклонил Менелаево сердце»... Но подоспел Агамемнон. Он сейчас убьет пленника, но перед этим скажет:

«Чтоб никто не избег от гибели черной
И от нашей руки; ни младенец, которого мать
Носит в утробе своей... в Трое живущие все
И лишённые гроба (погребения) исчезнут!»

Зачем такая жестокость? В том-то и дело, что это крайнее проявление злобности эпического (гомеровского) героя: не просто убить врага, но лишить его погребения, жену – убить, нерожденный плод – убить!

Еще один интересный момент. Античный поэт «Илиады» искусно описывает нескончаемый бой, разделяя его на *схватки*. Геройский дух вспыхивает то с одной стороны, то с другой, унося жизнь бойцов. Одна *схватка* не похожа на другую, каждая имеет свой смысл и своё ... число.

Но ведь то же и у Гоголя. В какой момент битвы вылетел Андрий с гусарским полком? Бой начался худо для козаков. Долгий бой. Он делится Гоголем на *схватки*, у каждой *схватки* свой смысл и своё «слово».

Вот бьётся Дегтяренко...и вот он уже лежит на земле, а шляхтич поднял над ним саблю. Поэт останавливает время и неспешно рассказывает историю славного и чудного козака Мосия Шило, который рисковал больше, чем жизнью, спасением души ради товарищей. Последние слова Шило: ***«Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!»***.

Смерть Степана Гуски. Последние слова его о вечной Русской земле: ***«Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!»***.

Смертельно ранен Балабан. ***«Сдается мне, паны-братья, умираю хорошою смертью. Пусть же цветет вечно Русская земля!»***.

Кукубенко, «лучший цвет войск», ранен под сердце. «И вылетела молодая душа. Подняли её ангелы, понесли к небесам. ***“Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет ему Христос. – Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь»***.

Писатель говорит о том, что происходит в *вечности*, но как он, человек, осмеливается изрекать Божий приговор? И что это за обращение, Кукубенко?

А Тарас? Тарас перекликается с куренными. Так делают античные герои. Тоже загадка: как они это умеет делать. Бой кипит под стенами

большого города Дубно, и Тарас всегда поспекает там, где жарче всего. Оказывается, он имеет *сердечную* связь со всем войском, ощущает всё пространство сражения *сердцем*. И козаки отвечают ему тем же.

Вера в Бога и любовь к Русской земле – жертвенная вера и жертвенная любовь – делают козаков причастными вечности. В это поэт и козаки верят одинаково. И козаки, и Гоголь верят непреложно: если человек не изменил товариществу, не сделал бесчестного дела, не выдал в беде человека, хранил Церковь Божью, – такой человек спасен для вечности, и Христос скажет ему: «Садись, козак, одесную Меня!». Так ***козачья доблесть становится религиозным деланием, а живая вера дает поэту необыкновенное дерзновение.*** Не забудем, что война под Дубно не обычный козацкий набег, а сражение в защиту веры. Гоголь и козаки верят одинаково. В вопросах веры между ними нет «эпической дистанции»: козаки – свои, а «недоверки» и иноверцы – иные.

«Вечность», которой становятся причастными погибающие воины, осознана ими и писателем как родное, как *Русь, как Земля святая*. О русской земле и вечной её жизни последние, исповедальные, слова казаков. Восемь раз звучали слова исповеданья... Близка победа, но это еще не победа – мудрый Тарас знает это и смотрит на городские ворота. И вылетел из города резервный полк, и впереди других несчастный Андрий. «Продай веру! Продай товарищей!». О чем с ним говорить! Теперь мы можем понять суровость Тараса. Тарас казнит сына.

На этом уроке нам стало понятно, что понимать культуру – это прежде всего понимать её символы. Казалось бы, что может быть проще простого числа: один, два, три.. Но... «сколько лет, – спрашивает нас учитель, – длилась Троянская война?» Девять, на 10-й год Троя пала. Снова вопрос: «Сколько дней носился ковчег по водам всемирного потопа?» Девять, на 10-й пристал к горе. Ясно, что здесь не случайное совпадение: речь идет и о счете времени, и о чем-то совсем ином. В данном случае число – символ.

Восемь раз (согласно античной мифологии число ***сугубой недостаточности***) казаки исповедовали свою веру под Дубно. Этот бой закончился поражением. Слова девятого исповедания (число ***трагической недостаточности***) будут сказаны Остапом перед пыткой и мученической смертью. Десятое исповедание (10 – число ***достаточности***) произнесет сам «висящий на древе» Тарас.

Что чувствовал Тарас после страшной казни Остапа? Тарас...разгневан. Разгневан страшным, губительным, неистовым, понятным теперь нам по античному эпосу ***героическим гневом***: «***Даже самим козакам казалась чрезмерною его беспощадная свирепость и жестокость***».

О силе этого гнева и его символическом значении знают у Гомера все. Прекрасная Елена говорит Гектору про себя и Париса: «*Да, Зевс дал нам злую участь, но лишь затем, чтобы потом, для людей, которые еще*

будут, мы жили в песнях». Повторюсь, таковым было понимание славы и красоты в ионическом эпосе. Но ведь то же и у Гоголя.

Когда речь заходит о мире с поляками, только лютый и свирепый Тарас прозревает истину (ужасный век, ужасные сердца!). Тарас ломает свою булатную саблю и говорит пророческие слова: «Помяните же прощальное моё слово...перед смертным часом своим вы вспомните меня!.. Думаете пановать станете?». Сбылось пророчество Тараса. Поляки нарушили свое слово.

А полк Тараса «гулял» по Польше. «За что бились козаки?» – новый вопрос учителя. Ответ находим в тесте: **Тарас справлял поминки по Остапу, мстил страшно, жил гневом.**

«Ничего не жалейте!» - повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями... и, поднимая копытами с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя.

В том-то оказывается и дело, что одна из основополагающих идей Н.В.Гоголя состоит в следующем: мера мести всегда превысит меру нанесенной обиды. В отмщении, утверждает писатель, никогда не торжествует справедливость. Пример тому ...Тарас Бульба? Может быть...

Может ли душа человеческая жить гневом? Вот вопрос, который поставил перед нами Гоголь этими страшными беспощадными сценами. Ответ очевиден:

Может, если примет помощь духов злобы. Эллинский герой – персонаж мифа – не истории – почти всегда сражается вместе с богами, которые *воздвигают* в нем гнев и силу. Человек жить гневом не может, потому что гнев, утверждали древние, не содержит в себе предела и меры. Тарас – человек. Он и товарищей звал на смерть: «Кто из вас хочет умирать своею смертью?». Но смерть в бою не давалась герою. Тогда он находит её. Что дороже – понюшка табаку или жизнь воина? Трубка с табаком дороже. Есть ли примеры такой странной доблести? Умирили за отечество, за веру, за славу, за убеждения... Но за люльку!

В том-то и дело, что **православная душа жить гневом не может. Тарас нашел свою смерть.**

Тарас подвешен к дереву, «гвоздем прибили ему руки». Огонь поднимался по дереву, А он, сердечный, думал о товарищах...

И когда понял, что совет его услышан и товарищи спаслись, «вспыхнули радостные очи у старого атамана». И последние пророческие слова его из огня были: **«Подымается из Русской земли свой царь и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»**

Герой выполнил свою роль, ибо внутреннее устройство эпического героя влечет его к гибели. Судьба героя погибнуть со славой. Потому и живет он в песнях. Вот он и ответ: герой Гоголя во многом похож на эпического гомеровского героя. А этот урок научил меня по-особенному вглядываться в прошлое. И помог понять: книгу нужно читать вдумчиво.

